

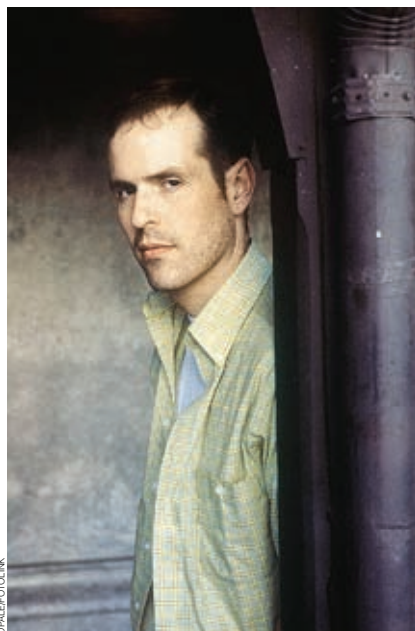
Заурядная трагедия

Григорий Дашевский о романе Митча Каллина «ЗА ГРАНЬЮ ДОЗВОЛЕННОГО»

ИСТОРИЯ в романе Митча Каллина рассказана простая: житель провинциального Тусона Джон Коннор, добропорядочный отец семейства, учитель литературы, начинает посещать видеосалон «для взрослых», приучается к быстрому анонимному сексу, ищет новых партнеров в общественном туалете на отшибе и здесь случайно становится свидетелем убийства. Он не решается сразу пойти в полицию и потому из свидетеля превращается в подозреваемого — и в итоге, брошенный семьей, разыскиваемый полицией, потерявший всю свою прежнюю жизнь, оказывается обителем тоннеля — жилища бомжей.

Читая книгу, можно ни разу не вспомнить, что этот же автор написал переведенные у нас «Страну приливов» (по которой снят фильм Терри Гиллиама) и «Пчел мистера Холмса», настолько не похожи эти книги. В тех двух романах автор и читатель погружались в особенное — очень особенное — чужое сознание: сиротки, дружащей с останками Барби, в «Стране» и стареющего литперсонажа в «Пчелах». Здесь же мы сразу попадаем в со-

знание максимально заурядное, среднее, никакое — размещаемся в этом пустом сознании, словно в люльке американских горок, и дальше мчимся вместе с ним в быстром, все более стремительном рассказе, пока это сознание, эта люлька не разбивается в почти галлюцинаторном финале.

Перевод Ольги Крутилиной нервный, в нем есть очевидные ошибки, иногда реальные происшествия перепутаны с предположениями и сожалениями о несбывшемся (всего этого мы и привыкли ждать от переводов, вы-

ходящих в «Центрполиграфе»), но вот эта стремительность рассказа передана по-русски отлично — это перевод неотделанный, но талантливый. Единственная действительно серьезная ошибка перевода — это название. Английское «UnderSurface» буквально означает «испод» — и за этим словом стоят и то подземелье, в котором в итоге оказывается герой, и кабинки видеосалона и туалета, и то голое существование без памяти и вины, к которому Коннор приходит в финале: «Он просто маленькая вещичка, и то, что он сделал или не сделал, не имеет значения». Роман не о желании перейти грань и не о соблазне запретных зон, как предполагает русское название, а о том, что все эти зоны просто имеются, что в них легко провалиться по самой ничтожной причине — о скорости и неотвратимости этого падения, а не о его соблазнительности.

Обычная, встроенная в социум жизнь учителя и отца семейства, которую Коннор шаг за шагом теряет, изображена и без сентиментальности, и без высокомерия — это именно что обычная, «как у всех», жизнь, точка отсчета. И эту обычность Каллин тщательно сохраняет во всех мечтаниях и реакциях героя, нигде не позволяя нам от него отшатнуться — и,

следуя за ним шаг за шагом, мы соглашаемся считать общественный туалет раем, а тоннель — местом покоя.

Герой «такой же, как мы» и наказан не за преступление, а за неосторожность, промедление, «оплошность», то есть в романе выполнены два главных условия хорошей трагедии. Это и есть трагедия, но ее участники в отличие от бесконечно сознательных и многословных героев трагедии традиционной не могут сформулировать свои желания и свои решения: «Скрытые темнотой посетители пассажей для взрослых и общественных туалетов собирались здесь ради транса, топливом которого была похоть, они страстно желали этого — и желание бывало удовлетворено, это приближало их к совершенной жизни, о которой они мечтали, тем не менее они не в состоянии были выразить это словами». «Совершенная жизнь», «чудо», «рай», «божественное» в воняющих мочой кабинках и ненадолго охватывающая героя «вина», «пристыженность» — случайные, стертые обозначения тех сил, которые гонят и губят героя. Но в современной трагедии губительные силы и должны оставаться плохо различимы и почти безымянны, это и делает ее современной.

М.: Центрполиграф, 2009

Выбор Лизы Биргер

РОМАН ЛОРДА БАЙРОНА

ДЖОН КРАУЛИ

М.: ЭКСМО, 2009

JOHN CROWLEY. LORD BYRON'S NOVEL

ПЕРЕВОДЫ Джона Краули на русский как-то очень сложно организованы: начали с монументальной, но unsuccessful тетралогии «Эгипет» (1987–2007, четвертый том до сих пор в переводе), продолжили великодушным романом «Маленький, большой» (1981), и вот новый перевод — «Роман лорда Байрона» 2005 года. Некоторая логика, конечно, в такой последовательности есть: без ранней научной фантастики переведенные книги складываются в одну серию о неразрывной связи литературы и жизни. Герой «Эгипта», историк,

преображается под воздействием древней рукописи, герои «Маленького, большого» осознают себя литературными персонажами некой Повести. А в «Романе лорда Байрона» узел сплетен еще более замысловато, Байрон написал роман по мотивам собственной жизни, чтобы объяснить в любви дочери, дочь его сохранила, а полтора столетия спустя обнаружившая этот роман американка простила собственного отца. В хитроумном устройстве романа три линии сводятся в одну: американская феминистка находит и расшифровывает с помощью своей подружки роман, который зашифровала Ада Байрон (считаясь автором первой в мире компьютерной программы), а ей его, в свою очередь, передали в качестве наследства от отца, которого Ада никогда в жизни не видела. Во всей этой конструкции Краули отталкивается от факта, что Байрон действительно начал писать роман, но бросил и уничтожил, потому что получалось слишком автобиографично. Если бы роман был все-таки дописан, фантазирует писатель, он был бы не признанием в собственной пороч-

ности, а, напротив, попыткой оправдаться, и наверняка автобиографический герой вызывал бы в нас гораздо больше сочувствия, чем сам Байрон со слухами о его амурных похождениях и инцестом со сводной сестрой Августой. Поскольку стилизовать Байрона Краули было не под силу и он даже не очень пытался, собственно роман, им за Байрона написанный, тут и не самое увлекательное. Главными героями становятся сегодняшние читатели, чья непосредственная реакция на прочитанное дана нам в письмах.

ЭТОТ СЛАДКИЙ ЗАПАХ ПСИХОЗА. ДОКТОР МУКТИ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

УИЛЛ СЕЛФ

М.: ФЛЮИД, 2009

WILL SELF. THE SWEET SMELL OF PSYCHOSIS. DR. MUKTI AND OTHER TALES OF WOE

УИЛЛ СЕЛФ — один из лучших британских сатириков, и то, что он так мало известен в России, прямо-таки удивительно, особенно учитывая, сколько британских писателей похуже него пользуются у нас невероятным успехом. Переведен Селф вполне прилично, по-русски можно прочитать практически все, кроме разве что прекрасной и совершенно неперево-димой «Книги Дайва». «Книга Дайва» — это дневник лондонского кэбмена, который стал Библией для новых людей, поселившихся на месте бывшей Англии. А вот «Как живут

мертвецы», наоборот, очень переводима — это книга о 60-летней еврейке, которая, умирая, попадает не на небеса и не в ад, а в пригород Лондона, где жизнь почти такая же, только еще чуть безумнее. Или «Дориан», современная вариация Дориана Грея, где еще больше наркотиков и порока. Основная мысль Селфа примерно к этому и сводится: мы уже живем в аду, только здесь еще больше наркотиков и порока. Если в его книгах вообще есть какие-то мысли, кроме безжалостного, неостановимого обличения всего и вся.

В этом небольшом сборнике рассказов Селф невероятно жесток с персонажами. Про одного пишет: «да, доктор Шива Мукти был змеиным отродьем; билингв, иммигрант в первом поколении, один из кончиков его языка был высунут в сторону предков, тогда как другим он лизал мороженое, которым угощал его окружающий мир». Про другого: «отличный объект для упражнения в каламбурах — сам был коротышкой и снимал короткометражки». Все герои Селфа занимают «передачей избитого, трансляцией банального и распро-

странением никому не нужного». Самое часто встречающееся слово — «кокаин», самая распространенная тема — полное отсутствие какой бы то ни было морали. Мир Селфа невыносим, но он еще и фантастичен. Поэтому через него можно пробираться, воображая, что это какой-то другой мир. Но что бы себе ни придумал читатель, очищающий огонь этой яростной прозы, настигнет его в любом случае.